

Владимир Зангиев
Под знаком проклятья

повесть

Владимир Зангиев

Под знаком проклятья. Повесть

«Издательские решения»

Зангиев В. А.

Под знаком проклятья. Повесть / В. А. Зангиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838007-5

Это история о женщине-палаче, на совести которой около 1500 жертв. Более 30 лет следователи не могли напасть на её след.

ISBN 978-5-44-838007-5

© Зангиев В. А.
© Издательские решения

Под знаком проклятья

Повесть

Владимир Зангиев

Владимир Зангиев

ПОД ЗНАКОМ ПРОКЛЯТЬЯ

(повесть)

© Владимир Зангиев, 2017

ISBN 978-5-4483-8007-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенью 1978 года в газете на последней странице, в самом низу, там, где размещаются всякие объявления об утере документов, сообщения о кончине человека и соболезнования близким, предложения о работе и прочее, я прочитал напечатанную мелким шрифтом маленькую заметку о состоявшемся закрытом судебном процессе в городе Брянске. Подсудимая А. Гинзберг была приговорена к исключительной мере наказания, т. е. к расстрелу за её преступную деятельность в составе карательных подразделений немецко-фашистских оккупантов на территории СССР во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Помню, я тогда про себя подумал:

– Минуло более тридцати лет после войны. Люди привыкли к мирной жизни, народилось новое поколение. А тут, надо же, какие-то каратели, женщина-преступница, расстрел... Чушь собачья. Да и кто же будет расстреливать старуху, когда следующий 1979 год объявлен ООН Годом Женщины. Ведь пока после вынесения судом приговора до его исполнения пройдёт установленный законом долгий срок рассмотрения прошения о помиловании, разных кассационных заявлений, наступит следующий год и судебное решение будет изменено...

1.

На Смоленщине в деревне Малая Волковка в 1921 году в большой крестьянской семье Макара Парфёнова родилась дочь Антонина. Время было трудное – только что закончилась Гражданская война, в стране царил разруха, правительством проводился жёсткий курс на индустриализацию, а коллективизацией сельского хозяйства был нанесён окончательный разгром крестьянским единоличникам. Деревня изнывала под гнётом нового режима. Земля была изъята у частных владельцев и объявлена собственностью государства. Сельских жителей, как крепостных, собрали в коммуны, называемые колхозами, и, лишив паспортов, оставили им единственное право – проживать в местах приложения их трудовых рук.

Между тем, Тоня Парфёнова подросла и наступила пора идти учиться в школу. К тому времени в их деревню из города была направлена на работу учительница, которая являлась едва ли ни единственным грамотным человеком в округе. Школа на тот момент представляла собой нечто священное, вроде культового храма, а учитель воспринимался чуть ли не как небожитель. И вот, жрица знаний начала составлять список набранных для учёбы детей. Все называли свои имена, фамилии. Дошла очередь и до маленькой Тонечки.

– Девочка, как твоя фамилия? – вопрошала городская дама, в ожидании ответа вперив строгий взгляд в ученицу.

Но та в неодолимом смущении потупила взор долу, не смея выдать из себя хоть слово. Кругом шумно загалдели более бойкие сверстники:

– Да Макарова она! – имея в виду, что отца девочки зовут Макаром. – Тонькой её кличут...

Так с лёгкой руки заезжего педагога ребёнок был зарегистрирован в школьных документах под иной фамилией нежели имела вся её семья.

Годы шли, Тоня Макарова выросла. Училась она старательно, прилежно постигала грамоту начального образования. А вскоре отец, измученный непосильным трудом в погоне за скудным куском насущным, поддался на уговоры вербовщика и махнул со всей семьёй на строительство какого-то грандиозного промышленного объекта в Москве. Неграмотный родитель так и трудился простым рабочим, однако, повысив тем самым семейный достаток к удовольствию своих иждивенцев. С тех пор Антонина продолжила учёбу в столичном общеобразовательном заведении. Конечно, здесь всё оказалось на весьма высоком уровне по сравнению с деревней. Одноклассники проявляли разного рода интересы. Страна нуждалась в молодых силах, предоставляла большие возможности наиболее амбициозным и талантливым. Вокруг молодого Советского государства злобно скалились многочисленные капиталистические недруги. В мире набирал силу германский национал-социализм. Советский Союз в неимоверных экономических потугах и постоянных военных конфликтах крепил свою мощь. Внутренняя политика, главным образом, была направлена на патриотическое воспитание граждан, и в этом смысле особое предпочтение придавалось издаваемой художественной литературе, как наиболее эффективному средству пропаганды. На этой почве Тоня Макарова приобщилась к чтению книг. Все библиотеки сплошь были наполнены произведениями на героическую тематику. Молодёжь жадно упивалась историями об индейцах Фенимора Купера, об отважных покорителях Севера; «Остров сокровищ», «Два капитана», «Овод» – являлись настольными книгами многих молодых людей.

У Тони тоже появилась любимая героиня. И ею оказалась легендарная Анка-пулемётчица из нашумевшего фильма «Чапаев». Девушку поражало, как лихо бесстрашная девица расправлялась с ненавистными белогвардейцами! Это достойно было восхищения.

Так и воспитывалась бывшая сельская жительница в духе беззаветной любви к отечеству и готовности ради него к самопожертвованию. А политическая обстановка в мире всё более накалялась.

– Тонька, что будешь делать, если начнётся вдруг война? – спрашивала подружка в разговоре.

– Пойду защищать родину! – не колеблясь, отвечала патриотически настроенная девушка.

– Так кто допустит воевать, когда нет у тебя военной профессии?

– И что же тогда делать? – расстроилась Антонина.

– Многие ребята ходят на курсы «Осоавиахима», с парашютом прыгают, радиодело изучают, нормы сдают на значок «Ворошиловский стрелок».

– Ну а ты как ко всему этому относишься? – оживилась Макарова.

– Многие девочки записались на курсы санинструкторов, – с готовностью поделилась собеседница. – Вот и я посещаю такие курсы. Хочешь, могу и тебя с собой привести?

– Ой, возьми и меня туда, – запросилась обнадёженная школьница. Однако призналась в своей сокровенной мечте: «Только я хочу быть как Анка из чапаевской дивизии пулемётчицей».

– Сначала выучись на медсестру, а там может и на стрелковые курсы записаться договорись.

Теперь после занятий в школе Тоня с радостью спешила на стадион, где обучали санитарок практическим навыкам. Ей нравилась царящая здесь военная обстановка, девушка отли-

чалась сообразительностью и прилежностью в ученье. Закончив медицинский курс, она напросилась на обучение стрелковому делу. Курсантов возили на стрельбище, где те приобретали боевое мастерство. Был там и старенький станковый пулемёт «максим», к которому особенно привязалась Тоня Макарова. С ним она чувствовала себя поистине той самой чапаевской Анкой-пулемётчицей. Она так наловчилась орудовать этим грозным оружием, что вскоре в группе не было равных ей по меткости стрельбы из него, а также в разборке и сборке пулемёта. Все его части она с закрытыми глазами безошибочно вставляла в нужные места.

Обворожительно курносая, улыбчивая, с тугой русой косой и милыми ямочками на пухлых щеках, девочка привлекала к себе всеобщее внимание. К ней с симпатией относились инструктора и обожали сверстники. По всем параметрам судьба сулила избраннице завидное будущее.

И был один, кого Тоня выделила среди всех. Он присутствовал в её грёзах. Ласковое имя Алёша чарующим звуком влекло её, как мифического Одиссея упоительные мелодии сирен, заманивающих в лоно морской пучины. Но девушка так никогда и не решилась выдать сокровенные чувства пред тайным избранником своим. Природное чувство стыдливости не позволило обнаружить симпатии на людях. Он был старше на два года и парня призвали в 40-м на действительную военную службу. Западный приграничный военный округ принял в состав новобранца. Хоть их дороги и разошлись, но Тоня в душе сохраняла память о любви своей первой.

...В тот год Тоне исполнилось девятнадцать, и она заканчивала среднюю школу. Подружки делились мечтами о том, куда пойдут учиться по окончании сдачи выпускных экзаменов. Антонина понимала, что в мирное время её сокровенная мечта – стать пулемётчицей – неосуществима. Да и детство с присущими этому периоду розовыми мечтами закончилось. Пора настала считаться с реальностью жизни. И она решила, отдавая дань уважения своей первой учительнице, выучиться на педагога и заняться обучением детей в школе.

Но, как часто бывает, жизнь вносит свои коррективы, и судьба делает крутые виражи на пути. Как лавина в горах, на страну обрушилась внезапная трагическая весть: началась война! Зловещий 41-й год обугливающим тавро отпечатался в сознании всего народа. Тяжёлые новости приходили с фронта: могучий враг теснит нашу армию и проникает всё дальше вглубь страны. И наступил тот решительный миг, когда несметные полчища врагов рванули на Москву. И что тут началось! Неразбериха, хаос, слухи... Но Тоня Макарова была не из таких. И друзья её как на подбор являлись достойными детьми своего отечества. Они рвались воевать на фронт, заседали на военкомов в своих районах, чтоб те призвали их добровольцами на воинскую службу. Иначе они и не мыслили: как же так, ведь Отечество в опасности!

– Катя, заканчивается лето, а нас так и не берут в действующую армию, – сетовала Тоня подруге, не скрывая горячего желания оказаться на передовой. – Так и не успеем себя проявить.

– Что ты! С фронта приходят неутешительные сводки. Наши войска отступают. Я думаю, скоро война не закончится, – успокоила Тоню Екатерина, полная патриотического порыва.

– Ты слышала о том, что наш инструктор по стрелковой подготовке погиб? Не успел доехать до передовой. Эшелон попал под бомбёжку, – вспомнила печальное известие поклонница Анки-пулемётчицы.

– Да ты что! Даже ни одного фашиста не убил.

– Больше всего я боюсь умереть бесславно, – поделилась сокровенным Антонина.

– И я хочу своей жизнью принести пользу стране.

2.

Лето подходило к концу, когда, наконец, Тоню Макарову направили на фронт санинструктором. К тому времени уже вернулись домой с полей сражений изувеченными несколько

её одноклассников и соседей, а на некоторых знакомых пришли «похоронки». Говорили, что об Алёше пришло извещение с пометкой «без вести пропал». Но это нисколько не убавило воинственный пыл романтической натуры девушки. Душа её неудержимо рвалась на поле брани, ей хотелось поучаствовать в развернувшемся грандиозном сражении. О том, что с ней самой может случиться самое ужасное, девушка не задумывалась. Страстное желание подвига поглощало чувства самосохранения и естественного страха. Зablуждения юности часто коренным образом ломают дальнейшую судьбу человека, о чём потом поздно бывает сожалеть. Так случилось и с Антониной.

На передовой она оказалась в конце сентября, в канун подготовки немецкой группы армий «Центр» к операции «Тайфун», в результате чего случился трагический для советских войск так называемый «Вяземский котёл». Поистине, это оказалось русской Голгофой. Там было потеряно нашей страной около одного миллиона живой силы. Фашистам удалось скрытно подготовить мощный кулак и ударить им изо всей силы. В окружение попали войска пяти советских армий. Санинструктор Макарова находилась в 20-й армии генерал-лейтенанта Ершакова, когда 7 октября 1941 года третья и четвёртая танковые группы Гудериана сомкнули клещи у Вязьмы. Девушка прикомандирована была к одному из фронтовых госпиталей. В эти дни как раз из-под Ельни, где проходили кровопролитные бои, непрерывным потоком поступали израненные бойцы. Впервые увидев столько крови и смертей, Тоня стала понимать, что действительность – это вовсе не то, что она представляла себе в грёзах. Теперь ей пришлось не только людям более старшего поколения, но и сверстникам своим закрывать веки, отдавая последнюю почесть. Ампутированные конечности уже не успевали закапывать в землю и их просто сваливали поблизости в овраг. Артиллерийская канонада не стихала ни днём, ни ночью. В походном госпитале царила атмосфера неразберихи, растерянности и упадка духа.

– Макарова, бегом в операционную, – нервно орал вконец издёрганный военврач, – там новую партию раненых привезли.

Тоня кинулась исполнять. Из-за разбитых осколками бортов прибывшей «полуторки» доносились громкие стоны. Кровавые потёки обильно сочились в щели кузова автомашины. Алая лужа у колеса увеличивалась в размерах прямо на глазах. Полдюжины работников госпиталя суетились вокруг грузовика. Внутри кузова вповалку грудились окровавленные тела – вперемешку испутившие дух и ещё живые люди. Пожилой фельдшер, которого все называли дядей Васей, подхватил спереди носилки с обгоревшим танкистом и кивком головы указал Тоне назад:

– Подсоби, девка. Этого прямо к хирургу несём.

Понесли. Тоня старалась из последних сил, руки отваливались от перенесённых за день тяжестей. И вот ещё перед ней распростёрто безжизненное тело в чёрном замасленном комбинезоне. Танкист находился в бессознательном состоянии, руки безвольно свешивались с носилок, окровавленная культя правой ноги была перетянута ремнём у самого основания бедра. Раненый временами судорожно дёргался головой и лихорадочно бредил: ...заряжающий, бронбойный... огонь!.. огонь!.. горит с правого борта... пулемётным огнём отсечь автоматчиков...

Пациента подняли на хирургический стол.

У брезентовой стенки полевой операционной палатки прямо на земле ожидали очереди к операции другие сгруженные с «полуторки» раненые. Им необходимо было обработать раны, дабы избежать заражения крови. И Тоня приступила к исполнению обязанностей.

– Дочка... дочка... – хрипло позвал санитарку немолодой раненый в голову мужчина. – Ты бы сменила мне грязную тряпку, которой обмотана рана, да я пешком пойду до своих.

Раненый порывался встать на ноги, но они подкашивались, и он заваливался набок.

– Успокойтесь, милый. Вам нельзя двигаться. Сейчас врач освободится и осмотрит рану, – погладила девушка по плечу пострадавшего.

– Нет, мне надо туда. Сын остался в окопах. Танки рвутся, автоматчики насаждают. Не выдержат наши. Снаряды заканчиваются.

– Ничего, отец, наша армия непобедима. Товарищ Сталин так сказал.

Тут Тоня почувствовала, как кто-то слева уцепился за край её халата и зашептал, захлёбываясь собственными словами:

– Их не остановить... там сущий ад... обезумевшие люди бегут из траншей... нет патронов... господь нас оставил... кругом эти фрицы...

Девушка взглянула в округлившиеся от испытанного ужаса глаза бедняги, и хотела было успокоить того, но ещё один раненый с обрубком правой руки, подал слабый голос:

– Под Ельней мы попытались дать им отпор. Но всё кончилось крахом. Они сильны, день и ночь прут их танки, сверху бомбардировщики крушат наши силы, несметные полчища пехотинцев насаждают со всех сторон. Эх, пропали мы!.. не спасёмся...

Временами невольно в сознании Антонины зарождались крамольные мысли:

– А так ли сильна наша армия, как убеждали отцы народа? Сможем ли выстоять в этой бойне? Вон сколько немцы захватили наших территорий. Что теперь делать?

Первые сомнения поколебали волю Макаровой и лихой образ легендарной чапаевской пулемётчицы стал меркнуть в её мечтах. Благо, избыток тяжёлой работы не позволял концентрироваться на безрадостных размышлениях. Не до того было теперь. Поток раненых не иссякал, а наоборот, с каждым днём становился угрожающе избыточным. Медики, измотанные нескончаемой работой, не успевали оказывать помощь всем нуждающимся. Катастрофически не хватало медикаментов. Приходилось стирать использованные бинты и снова применять их при перевязках. Люди умирали даже не дождавшись очереди к врачу.

Ужас и деморализацию уже невозможно было скрыть и это горькое чувство выплёскивалось наружу из прибывающих с переднего края раненых солдат. Не могла пропаганда исправить всех промахов, допущенных командованием на начальном этапе войны.

3.

Утро следующего дня опрокинуло что-то главное в сознании Антонины и потрясло до основания все духовные установки. Началось всё с того, что в её закуток за занавеской, где она едва прикорнула после беспокойной ночи, ворвался дядя Вася и, теряя самообладание, завопил как сумасшедший:

– Девка, спасайся скорее. Фашистские танки прорвались сюда!..

Дядька в панике бросился вон из госпитальной палатки. Тоня заметалась в растерянности, не понимая, что хватать с собой. Раненые, кто мог, одни – расползались в поисках спасения наружу, другие, поддерживая товарищей, – поспешно ковыляли к выходу. Стоял несусветный ор, нецензурная брань разносилась вокруг. Их перекрывали орудийные разрывы, кромсающие окружающую поляну и разметающие в щепы близлежащие деревья. От неимоверного грохота разрывов у девушки заложил в ушах. Она, уже совсем не контролируя себя, бросилась прочь из помещения. В пяти шагах от выхода наткнулась на поверженное тело дяди Васи. Из разверзшегося живота фельдшера вывалились кишки и от них исходили струйки пара. Антонина замерла словно остолбеневшая над распростёртым телом старшего товарища, который всего лишь минуту назад был полон жизни, а теперь лежал у её ног растерзанный и бездыханный. По злой воле неведомой силы багровые отблески полыхающего зарева войны колыхались зловеще на окружающих предметах и опаляли живые существа, обугливая самые их души. Блики пламени отсвечивали в глазах мечущихся людей, по лицам носились жуткие тени, обозначая мрачные провалы разверзшихся ртов и впалых глазниц. Мистическим веяло от всех этих картин. Казалось, земля содрогнулась видением сущего ада. И девушка впервые в жизни почувствовала свою ничтожность перед сокрушающим законом смерти.

– Дядя Вася... дядя Вася... – шептала она заворуженно, не в силах оторвать обезумевший взгляд от ужасного зрелища убитого фельдшера. И только пробегающий мимо какой-то легкораненый боец, грубо толкнув в спину санитарку, вывел её из оцепенения своим криком: – Что встала? Скорее беги... спасайся, дура!..

Дальше глазам её предстала картина большого погрома. Кругом дымилась и разметалась комьями земля. Гарь забивала бронхи и слепила глаза. Пространство было усеяно телами людей и окровавленными кусками плоти. Грохот стоял такой, будто само небо обрушилось осколками на землю. Кошмар овладел девушкой. Душа её загнанно заметалась в трепещущем теле, подверженная нахлынувшему страху. Тоня бросалась по сторонам между разрывами вместе с другими обречёнными, не отдавая отчёт своим действиям. На её глазах обезумевших от ужаса людей разрывало на части. В этом аду, казалось, нет спасенья. Немецкие орудия крушили всё без разбора. А один танк прорвался так близко, что бил с пригорка прямой наводкой и был отчётливо виден зловещий крест на его бронированной башне. От столь невыносимого зрелища Тоня уже совсем ничего не соображала. Она просто бежала, не помня себя, куда-то по лесу, продираясь сквозь чащу и не замечая, как ветки нещадно хлещут по рукам и лицу, расцарапывая до крови кожу.

Временами то тут, то там раздавался автоматный стрёкот, доносился близкий гул танковых двигателей. Когда однажды вдруг в просвете среди деревьев показалась просёлочная дорога, затравленная беглянка с отрадным чувством близкого избавления кинулась было туда, как увиделадвигающиеся колонны боевой техники, отмеченной чужими крестами на бортах. Оттуда доносились звуки немецкой речи.

Как загнанный зверь, девушка снова бросилась в непроходимые дебри лесной чащобы. Лишь наступившие сумерки остановили её бесконечное бегство. Близкая канонада не смолкала ни на минуту. От непрекращающихся огненных вспышек пожарищем полыхало небо. Под ногами у Антонины мокро хлюпала почва. В одном месте она провалилась в болотную жижу и полные сапоги набрала воды. И тогда поняла, что оказалась на болоте. Дальше пробираться не имело смысла, можно было угодить в трясину и не выбраться из неё. Нужно дожидаться рассвета. Тоня выкарабкалась на ближайшую сухую кочку, на которой росла ёлка, вылила воду из сапогов и, прижавшись к древесному стволу, затихла.

Ночь пришлось провести, забившись в колючих ветвях раскидистой ели.

Болотная сырость зябкой дрожью отзывалась в теле, не позволив всю ночь сомкнуть глаз. Тревожно ухала выпь в темноте. Страшным хохотом, временами, ей отзывался филин. Жуть! Одному оказаться в дремучем лесу среди ночи – не каждый способен перенести такое спокойно. А тут девушка, городская, вырванная войной из семьи.

– Господи, спаси-сохрани... – до самого рассвета шептала она почти совсем онемевшими от холода губами, позабыв о том, что совершенно не знает молитв, поскольку, являясь комсомолкой, всегда напрочь отвергала религию и существование всяких чудотворных сил. Но помня, как в детстве её бабка истово произносила слова псалмов пред священным иконным ликом, тоже впервые обратилась к непостижимому божеству. Она просила неведомые силы только об одном – помочь ей выжить.

Всю ночь поблизости сквозь гул продолжающейся войны раздавалось волчье завывание. А под самое утро в нескольких шагах вдруг послышался осторожный шорох опавшей листвы и взору затаившейся беглянки предстала испугнутая войной дикая кабанья семья. Девушку охватил животный страх, и она невольно вскочила на ноги со своего места. Животные, почуяв чужое присутствие, резво кинулись наутёк в чащу, ломая кусты на своём пути. Кое-как успокоившись и придя в себя, Тоня стала испытывать голодные спазмы в желудке. Она вспомнила, что уже целые сутки ничего не ела. Когда в панике бежала из госпиталя, не успела прихватить даже свою шинель. Вот теперь из-за этого пришлось нещадно мёрзнуть. При мысли о госпитале закралось позднее раскаяние о своём паническом бегстве.

– Что дальше делать? – терзала неотступная дума, полностью поглотив сознание. – Где теперь наши? Что будет со мной, если вдруг схватят немцы облачённую в советскую военную униформу?

Но делать нечего. Не век же сидеть на болоте в ожидании свершения какого-то чуда. Надо самой выбираться к людям. И Макарова решила покинуть своё убежище. Снова она пробиралась сквозь заросли, не разбирая направления, лишь надеясь на удачу выбраться на какую-нибудь дорогу либо набрести на людское жилище. В желудке болезненно саднило от голода. В одном месте попало чахлое деревце, скупо увешанное жидкими пунцовыми гроздьями калины. Девушка кинулась обрывать их, жадно поглощая кислую ягоду. Этим хоть немного удалось насытиться, заглушив невыносимое чувство голода. Теперь беглянка тщательнее стала присматриваться вокруг и ей начали попадаться то опавшие дикие яблочки, то грибы, а иногда терпкие ягоды тёрна. Всё, что она не съедала, запасливо собирала в карманы.

Весь день в её поисках не принёс успеха: выйти к людям так и не удалось. Снова пришлось провести беспокойную ночь одной в лесу. Она почти не сомкнула глаз, лишь временами погружалась в мгновения забытья, чутко по-звериному в такие моменты ощущая окружающий мир. Бедняга находилась на грани отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.